

ный соглашательский процесс сближения и слияния властного дискурса и его эстетической рефлексии. Результат – опасный монодискурсивизм, который, как каждый монодискурсивизм, скорее является симптомом тоталитарного.

С исторической точки зрения, подобный культурный пессимизм – неизменная часть саморефлексии самой культуры. А это фундаментальный повод для оптимизма. В своём историческом развитии культура постоянно констатирует собственное перманентное поражение, свой упадок. Больше того, сама культура реализуется полноценно через сознание своего собственного кризиса. И именно проблематизация её собственного настоящего и предстоящего конца – важная часть её жизненности, её реализации как таковой, т.е. как территории, альтернативно расположенной по отношению к властному дискурсу. Сама культура – всегда пессимистичная, но живая – совершенное опровержение этого конститутивного для неё пессимизма, а в этом смысл своё собственное самоопровержение.

Список литературы

1. Пенчев Б. Ний всички сме деца на младия Славейков. – *Культура*, бр. 17 (1976), ХЫ, 25 апрел 1997.
2. Неделчев М. Фигурата на писателя // *Литературен вестник*, бр. 16, 7-13.05.2008.
3. Разговор с редактори двама на тема «Литературен вестник на ново време» // *Литературен вестник*, бр. 16, 11-17. 2. 1998.

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коздигарина Р.К., Медешова Г.К., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы в болгарской литературе всё более и более очевидным становится эскалирующая инвазия одного специфичного типа массовой литературы, во многих случаях откровенно приближающейся к художественной дебильности. В этом, конечно, нет ничего ужасного. В той или иной форме массовая культура всегда существовала как один рассказ, параллельный и альтернативный «высокому», элитарному, грань между которыми иногда совсем размыта, особенно в предмодерные эпохи. Более того, мы хорошо знаем, в какие шутки играет история с категориями «высокое» и «низкое». Так нечто, что сегодня мыслится как высокая классика, в сущности, возникло когда-то именно как массовая культура («Декамерон», например, а в более широком плане – и фольклор). На самом деле «высокий» канон нередко институционализирован именно «низкую» культуру переходной эпохи.

Предлагаю на рассмотрение один сюжет в развитии болгарской литературы после 1989 года, который считаю центральным. Изложу его в определенной степени в теоретическо-аналитическом плане, но не устою и перед искушением публицистично-темперированной риторики.

Прежде чем перейти к существу вопроса, очерчу главные, исходные параметры тезиса. Для современной литературной ситуации в Болгарии характерна гетерогенность в состоянии особой динамики. Эта динамика выражается в ускоренном изменении соотношения двух основных тенденций, которые можно определить как модернизм и постмодернизм. Наблюдаемая динамика ведет к чему-то третьему. Это всё более ускоряющееся, эскалирующее изменение стимулировано некоторыми внешними факторами, такими, например, как бум интернет-технологий и т.д. Но в интересующем меня аспекте важнее другой тип – «внешние», экстралитературные факторы.

Чтобы не усложнять проблему, ограничимся ситуацией в широком контексте современности, разбираемой как сложная, антагонистично структурированная кон-

стелляция капитализма и модернизма. Антитеза, которую я считаю принципиально тождественной диалектической модели Просвещения вообще, разоблаченной Хоркхаймером и Адорно, или тождественной смыслу, в котором Фуко противопоставляет Просвещение (АипЧ1агипё) и гуманизм, а также, с другой стороны, разрыву между социально-политической современностью и культурной современностью, которым пользуются такие авторы, как Дэниел Белл, Зигмунд Бауман, Зджислав Крас-нодембски. (Поспешу заметить, что основной пафос моего тезиса будет направлен на реабилитирование гуманизма в сфере эстетического).

БОЛГАРСКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1980–90-Х ГОДОВ

Курман А.С., Жумадыл Д.М., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В 80-е постмодернизм возникает как эзоповский тип языковости, сопротивляющейся репрессии тоталитарного властного дискурса. В самом начале его основное занятие – деконструировать язык тоталитарного статус-кво, в том числе и язык поэзии, составляющей идеологический канон. (Этот деконструктивизм проведен самым радикальным образом Б. Ламбовски и перформансными акциями в начале 90-х годов кружка «Пятница 13»). О первом постмодерном поколении, поколении 80-х годов XX столетия – пока всё. Но в начале 90-х годов появилось новое поэтическое поколение, ставшее представительным для десятилетия. Я определяю его как второе постмодерное поколение. Оно обособливается к 1992-1993 годам в газете «Литературен вестник» под прямой менторской заботой «отцов» первого, самым прямым образом – Лии Илковым (эта родовая метафорика особенно характерна для языка 90-х гг.). Его ядро – всеизвестная «четверка», основная часть литературной мифологии десятилетия, которая, как группа, легитимизируется скорее всего двумя мистификационными проектами «Бъл-гарска хрестоматия» («Болгарская хрестоматия») (1995) и «Българ-ска антология» («Болгарская антология») (1998). Кроме этого ядра, вокруг газеты «Литературен вестник» – с момента ее создания – гравитируют множество молодых авторов, творчество которых – в одном или другом аспекте – представительно для рефлексий постмодернизма болгарской литературы 90-х годов.

Болгарский постмодернизм претерпевает важную трансформацию именно в этом поколении. В целом он переадресует свой де-конструктивистский пафос от политического (антикоммунистического) к другому, собственно правому идеологическому конструкту – гештальту Болгарского. И поскольку этот гештальт является продуктом этноцентричного литературного канона – один в полной мере репрессивный языковой конструкт – постмодернизм 90-х в основном занимался деконструированием Канона. Расправившись с репрессивным языком коммунистической идеологии, болгарский постмодернизм занялся не менее репрессивным языком другой идеологии – идеологии Болгарского. Таким образом, хоть и утра-тивший свою прямую политическую ангажированность, он сохраняет свой левый характер, трансформируя его. Деконструктивистский пафос болгарского постмодернизма постепенно, в некоторой степени и по объективным причинам, становится всё менее и менее антикоммунистическим, но он всё так же ангажирован другими властными, правыми языковыми структурами.

Это определяющее для болгарского постмодернизма 90-х годов внутреннее саморазвитие от тоталитарного